

**ВИЗАНТИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ В ИТАЛИИ:
*К вопросу об интеллектуальных связях
Византии и Запада***

Отличительной чертой византийской интеллектуальности последнего столетия существования империи являлось кардинальное изменение отношения к западной учености, постепенное налаживание контактов с европейскими, в первую очередь с итальянскими, гуманистами, что способствовало распространению византийских традиций образованности и ценностей византийской культуры. Латинофильство получило в Византии распространение в XIV в. в связи с растущей угрозой турецкого завоевания как один из рецептов спасения империи. Прозападная ориентация имела своих адептов преимущественно среди представителей византийской интеллигенции [1], которые начинают постепенно разрушать узкие рамки традиционного мышления, сформированного господствовавшей ойкуменистической доктриной и зависимого от нее. Универсалистские притязания распространялись и на сферу духовную, демонстрируя превосходство византийской образованности по сравнению с «варварским» Западом. Подобная амбициозность определяла и категоричность неприятия западной науки. Но ксенофобия, столь характерная черта византийской ментальности, с начала XIV в. сменяется все более устойчивым интересом к ценностям и достижениям соседних культур. Особенно активно мировоззренческие изменения затронули среду византийских интеллектуалов, которые становятся более восприимчивыми к другому образу мышления и последовательно идут на сближение с представителями иных научных школ.

Вопросы соотношения византийского и итальянского гуманизма, проблема их взаимодействия являются наиболее острыми, когда историки и культурологи обращаются к поздневизантийскому периоду. Общепризнанным является тот факт, что византийские интеллектуалы сыграли значительную роль в «трансплантации» античной культуры на Запад и тем самым активизировали гуманистическую мысль [2]. Безусловно, что «концепция о византийском гуманизме как родоначальнике, исходном пункте итальянского гуманизма» несостоятельна, и речь должна идти, как отмечает И. П. Медведев, «не об одностороннем процессе культурного заимствования, а о той интеллектуальной общности, которая была характерна для мировоззрения известной части гуманистически мыслящих деятелей византийской культуры и итальянских гуманистов...» [3]. Но здесь необходимо заметить, что византийская гуманистическая мысль имела более глубокие корни и была уже сложившейся традицией, и в большей степени и более интенсивно воздейство-

вала на итальянский гуманизм, чем наоборот. И правильной было бы говорить (по крайней мере для начального периода) о тенденции односторонней направленности. Можно сказать, что именно византийцы сделали первые шаги навстречу новой культуре, близкой им по духу и устремлениям, которой стал зарождающийся итальянский гуманизм. Д.И. Геанакопλος оценивает деятельность византийских интеллектуалов следующим образом: «Византийские ученые-эмигранты своей деятельностью в передаче, объяснении и интерпретации богатого опыта классического и патристического эллинизма ... внесли фундаментальный, если не ключевой вклад в расширение горизонта итальянской возрожденческой мысли и знания» [4].

Понимая всю важность проблемы влияния византийского гуманизма на формирование итальянского и исходя из оценки деятельности византийцев в Италии, данной Д.И. Геанакопლოსом, мы обратимся к следующим вопросам: в каком качестве реализовали себя византийские интеллектуалы на Западе (конечно, в первую очередь в Италии) и каким образом осуществлялось их общение с итальянскими учеными, т. е. каким путем шла передача опыта и знаний, и какое значение имели для итальянцев *studia humanitatis* под руководством византийцев?

Контакты с западными учеными как постоянное явление устанавливаются к концу XIV в. и предпосылками тому была сложившаяся в Италии и Византии духовная ситуация, обоюдная заинтересованность интеллектуалов и потребность их друг в друге. Причиной, толкавшей византийских ученых идти на сближение, было желание «участвовать в интеллектуальных дискуссиях своей эпохи» [5]. Побудительных мотивов для итальянской стороны было намного больше: это и стремление возродить античную (греческую) мудрость, носителями которой выступали византийцы; и включение в научную жизнь, которая протекала за пределами Италии; овладение эстетическими принципами и тенденциями, свойственными литературным стилям Византии. В условиях, когда «ранний средневековый взгляд на схоластику с его особым акцентом на диалектику и тесную связь с теологией не в состоянии был удовлетворить интересы более продвинутой гуманистической интеллигенции» [6], итальянцы ищут контактов с византийскими учеными.

Одним из первых, кто активно и последовательно отстаивал позиции союза с западной наукой и культурой, был византийский ученый и политический деятель Димитрий Кидонис [7]. Его имя открывает целую галерею имен византийских ученых, которые были интегрированы в систему византийско-европейских гуманистических контактов. С помощью доминиканского монаха Кидонис изучил латинский язык, что давало ему возможность читать в оригинале западных писателей и переводить их на греческий, тем самым способствуя знакомству византийцев с латинской литературой. Ему принадлежит заслуга перевода сочинений одного из столпов западной схоластики Фомы Аквинского, почитателем которого он являлся [8]. Хотя Кидонис не первый грек, знавший латынь

(вспомним, к примеру, переводческую деятельность Максима Плануда), но именно с него возникает устойчивый интерес к переводам латинских авторов и изучение латинского языка среди византийских интеллектуалов. И что особенно интересно в данном случае, Димитрий Кидонис воспитал целую плеяду ученых, которые тесно связаны с итальянскими интеллектуалами и которые оставили заметный след в истории гуманизма. Его учениками стали Мануил Калека, который принадлежал к переводчикам сочинений латинских теологов Ансельма Кентерберийского и Боэция [9]; Максим Хрисовберг, изучавший философию в Венеции и теологию в Падуе [10]; первый учитель греческого языка в Италии Мануил Хрисолора и выдающийся деятель византийского и итальянского гуманизма Георгий Гемист Плифон. Димитрий Кидонис был ученым-«космополитом», признающим достижения других научных направлений и создавшим идеологическую почву для того направления в интеллектуальной жизни Византии, которое возобладает в XV в. Он оказал огромное влияние на некоторых своих молодых современников, которые восприняли его интерес к латинской теологии и культуре и пошли на дальнейшее сближение с Западом.

Одним из распространенных и популярных (особенно на первых порах) вариантов общения было преподавание греческого языка (а вместе с тем и греческой науки) византийскими учеными своим итальянским ученикам, которое открывало путь к более тесной интеграции двух культур. «Если бы не было греческого языка, римляне не имели бы никаких знаний», – так высокопарно и преувеличено оценил значение греческой науки итальянский гуманист Антонио Урчео Кодро [11]. Действительно, знание греческого языка открывало гуманистам богатства античности, которые станут идейной основой западноевропейской мысли нового времени.

С именем ученика Кидониса Мануила Хрисолоры связано систематическое изучение греческого языка итальянскими гуманистами и именно с него начинается исход византийских ученых на Запад [12]. Итальянские ученые осознавали необходимость изучения языка и испытывали потребность в преподавателях, что послужило причиной приглашения Хрисолоры во Флоренцию, инициатором чего выступил писатель и политический деятель Коллюччо Салютати при посредничестве Якопо д'Анжели. В приглашении, отправленном в Константинополь, в адрес Хрисолоры, можно найти объяснение необходимости знания греческого языка: «чтобы наша молодежь могла пить из двух источников, смешивая латинский и греческий для более плодотворной науки» [13]. Уроки Хрисолоры были популярны в итальянских городах и многие с гордостью называли себя его учениками. В 1390 г., в период своего пребывания в Венеции вместе с Кидонисом, по поручению императора Хрисолора помогал в изучении греческого молодому флорентийскому гуманисту Роберто Росси, который самостоятельно пытался заниматься языком [14]. Он был учителем греческого для Гварино да Верона, Леонардо Бруни

Аретино, Палла Строцци, Поджо Браччолини, Верджерио [15]. По грамматике, составленной Хрисолорой, изучал греческий Франческо Филельфо. Леонардо Бруни заметил по поводу преподавательской деятельности Мануила Хрисолоры, что "это было первый раз за семьсот лет, когда греческий язык начал изучаться на Западе" [16]. Гварино да Верона в письмах к своим друзьям неоднократно упоминает своего учителя, превознося его заслуги перед итальянской наукой: "Труд этого человека вместе с его гуманностью привел к тому, что нашим людям был возвращен блеск греческой литературы, из-за незнания которой их окутывала прежде значительная тьма" [17].

Мы не останавливаемся на рассмотрении деятельности Георгия Гемиста Плифона и его вкладе в итальянский гуманизм. Отметим лишь тот факт, что в число его учеников входили Виссарион Никейский и Марк Евгеник, которые будут тесно связаны с интеллектуальными кругами Италии [18]. Значимость философской неоплатинистической концепции Плифона для развития гуманистической мысли трудно недооценить. Плифон способствовал распространению античных образовательных стандартов посредством научных кружков в традициях «платоновской академии». Как отмечает В.Блюм, "без Плифона, без его глубокого проникновения в платоновский мир мыслей и без его богатой риторики не могла так быстро возникнуть *Academia Platonica* во Флоренции" [19]. Он стал центром притяжения тех кругов, которые были ориентированы на занятия подобного рода.

Обращаясь к связям Византии и Италии, безусловно, особое внимание необходимо уделить кардиналу Виссариону [20], человеку, занимавшему значительные посты в церковной иерархии папской курии и образовавшему в Италии своего рода островок интеллектуальности, к которому примыкали не только византийские, но и итальянские ученые. Будучи выходцем из Трапезунда, он получил образование в Константинополе, что позволило ему сделать блестящую карьеру от диакона до митрополита Никеи, в качестве которого он принимал активное участие в Ферраро-Флорентийском соборе, выступая с позиций ярого сторонника унии. Начиная с осени 1443 г., он постоянно жил в Италии, где оставался патриотом своего отечества, ратуя за организацию крестового похода против турок и оказывая всяческое содействие грекам-эмигрантам. Так, Виссарион поддерживал деньгами учителя греческого языка Афанасия Галисиота, прибывшего в Италию для преподавания [21]. Под его руководством выучил греческий папский секретарь и известный гуманист Никколо Перотто [22].

Известным учителем греческого в Болонье (1458 - 1459, 1462 - 1466) и во Флоренции (1473 - 1474) был Андроник Каллист [23]. После падения Константинополя он перебрался в Италию, где занялся преподавательской деятельностью и обучал итальянцев Анджело Полициано и Бартоломео Фонцио. Виссарион, с которым его познакомил в Италии Михаил Апостол и для которого он копировал рукописи, протезировал

Андронику Каллисту в качестве преподавателя греческого во Флоренции. Ему принадлежит также заслуга перевода на латинский язык "Аргонавтики", Аристотелевской "Peri geneeseos kai fthoras".

Димитрий Халкокондил, посещавший в Риме занятия у Феодора Газы, много лет преподавал в итальянских университетах (в Падуе, Флоренции и Милане). Его учениками были Балтассаро Кастильоне, Иоганн Рейхлин, Гийом Бюде, Джорджо Триссино [24]. Иоанн Агриропулос в числе своих учеников имел Иоганна Рейхлина, Анджело Полициано, Палла Строцци и его племянника Донато Аччайуоли [25]. Другой крупный деятель Византии, оказавшийся в Италии, Георгий Трапезундский открыл в Венеции в 1427 г. частную школу, в которой преподавал греческий и латынь. Его учеником был Пьетро Барбо, ставший позднее папой Павлом II .

Константин Ласкарис принадлежал к числу учеников Иоанна Агриропулоса, получил образование в лучших византийских традициях. После трагедии 1453 г. и последовавших за этим долгих перипетий (пленение, путешествие на Родос и в Серры), он оказался в Милане, где в 1458 - 1465 гг. прославился своими уроками греческого. Позже Константин Ласкарис побывал в Неаполе и Мессине, где также занимался преподавательской деятельностью. Под его руководством штудировал греческий Джорджо Валла. Как и многие его «собратья по перу» в Италии, Ласкарис занимался переводами греческих авторов на латинский язык.

Волна эмиграции, вызванная трагическими событиями 1453 г., пришла к западным берегам многих византийцев, которые, видя спрос на изучение языков и античной литературы, занялись преподаванием и переводами на латынь. Скорее всего, мы можем отнести их к интеллигенции, так как они не могли реализовать себя иначе, чем в подобном качестве. Многие византийские эмигранты, главным заработком которых была научная работа, продолжили свою деятельность в Италии. Так, в Мессине работал Афанасий Галисиот [26]; в Италии и Франции преподавал ученик Димитрия Халкокондила Иоанн Ридакин Ласкарис [27]; в Париже - Георгий Германим, учивший Гиллиама Бюде и Иоганна Рейхлина [28]; с Базелем связана преподавательская судьба Андроника Контотблакаса [29]; в Италии учил греческому Матрангелос [30]; учителем Марка Антония Антимаха был Иоанн Мосх [31]; некто Георгий занимался преподаванием греческого в Италии [32].

Византийские деятели науки, оказавшиеся в Италии в результате известных причин, продолжили занятия интеллектуальным трудом. Большинство из них стали преподавателями греческого языка, философии и литературы. Они давали частные уроки, образовывали приватные школы или занимали кафедры местных университетов. В 1456 г. Агриропулос избран на должность профессора Флорентийского университета. Феодор Газа получил профессорское место в Ферраре. Димитрий Халкокондил был профессором греческого в Падуе и Флоренции. Таким об-

разом, они сохраняли свой социальный статус и тот род занятий, которому посвящали время на своей родине.

Преподавание греческого языка итальянскими гуманистам предполагало знание латыни византийскими учеными, на котором могло вестись обучение. Уже упоминалось, Димитрий Кидонис знал этот язык и, судя по его письмам, владел им свободно. Прежде это было довольно редким явлением в Византии и не являлось характерной чертой интеллектуальных кругов, тем более тех, кто был связан с императорской службой. Поэтому Кидонис, знавший в совершенстве латинский язык, использовал его не только в сфере научной. К его знаниям прибегал и император Иоанн V Кантакузин, привлекая Кидониса к переговорам в качестве переводчика: "Императору потребовалось мое знание языков для объяснения с генуэзцами, так я получил место поближе к императору" [33]. Сам факт использования опытного премьер-министра в переговорах явно говорит о том, что знание языков оставалось редкостью при дворе. По всей вероятности, под влиянием Кидониса его ученики Мануил Калека, Максим Хрисоверг и Мануил Хрисолора тоже выучили этот язык, что открыло им возможность не только познакомиться с западной наукой, но позволило без преград общаться с итальянцами. С начала XV в., когда упрочились связи с итальянскими учеными и знание греческого стало довольно распространенным явлением в гуманистической среде, в качестве учителей латинского языка стали выступать и итальянцы. Феодор Газа и Георгий Трапезундский в Италии штудировали латынь под руководством Витторино да Фельтре [34].

Для более успешного преподавания языка необходима была и специальная литература. Греческие грамматики, которые составлялись византийскими учеными, предназначались для итальянских учеников. Выше уже упоминалось, что Мануил Хрисолора составил учебник греческого языка в традиционной для античности форме вопросов и ответов, по которому училось не одно поколение итальянских гуманистов. "Ερωτηματα" Мануила Хрисолоры была популярна еще в XVI в. и выдержала только в XV в. 4 издания [35]. Греческую грамматику написали Феодор Газа и Димитрий Халкокондил. Константин Ласкарис составил для своих итальянских учеников грамматику греческого языка и ряд грамматических извлечений [36]. "Rhetoricorum libri V" Георгия Трапезундского представляло собой пособие к урокам риторики [37]. Некоторые итальянцы издавали греко-латинские лексиконы (Марсилио Фичино).

Деятельность интеллектуалов из Византии на поприще преподавания греческих наук вызвала широкий резонанс среди итальянцев. Многие гуманисты специально отправлялись в те города, где давали уроки византийцы. Франческо Кастильоне, ученик Витторино да Фельтре, учитель греческого во Флорентийском университете, поспешил в Феррару, чтобы посетить занятия Феодора Газы [38]. И поэтому неудиви-

тельно, что лекции Франческо Филельфо по греческой словесности и философии привлекли внимание многих современников.

Метод обучения, который применялся в *studia humanitatis* под руководством византийцев, не отличался от традиционной, уходящей в античность системы образования. Занятия строились по принципу прочтения и дискуссии по поводу прочитанного. Сохраняется и античная структура преподаваемых наук. Дисциплины делились на тривиум и квадривиум, из которых наибольшее внимание уделялось риторике и диалектике. Большим спросом пользовались занятия по философии. При этом схоластический метод изучения философских сочинений сменяется иным подходом к рассмотрению проблем.

Надо отметить и то, что итальянские интеллектуалы оказывали всяческое содействие своим византийским коллегам, прибывшим в Италию и испытывавшим затруднения материального плана, в поисках заработка или вакансий в местных университетах. Франческо Филельфо, который ратовал за привлечение византийских ученых в Италию в качестве преподавателей, рекомендовал Димитрия Кастрина своему другу, профессору права в Сиене Франческо Аккольти д'Ареццо, стремясь помочь византийцу получить постоянную должность [39]. Да и сами византийские ученые сохраняли на итальянской земле между собой контакты, поддерживали друг друга финансами и морально, используя для этого свои личные связи. Виссарион оказался в центре византийской эмиграции. Он помогал многим ученым деньгами и оказывал протекцию - Михаилу Апостолу, Андронику Каллисту, Феодору Газе, Константину Ласкарису [40].

XIV - XV вв. также ознаменованы постоянными личными контактами византийских и итальянских ученых. Итальянцы воспринимаются уже как полноправные участники этого интеллектуального диалога, на них распространяются и нормы поведения, принятые в византийской интеллектуальной среде. Типичным явлением становятся эпистолярные связи. Среди корреспондентов Михаила Апостола был и итальянский гуманист Анжело Ваджо да Римини, издавший на латинском птолемеевскую "Космографию" [41]. Адресатом Геннадия Схолария и Мануила Хрисолоры был Амбросио Траверсари [42]. Дружеские отношения связывали кардинала Виссариона и Лилио Тифернате, латинского поэта второй половины XV в., ученика Хрисолоры, профессора в Перуджи, знатока творчества Данте и переводчика с греческого [43]. Обширные связи с византийскими интеллектуалами поддерживал Франческо Филельфо. Список его корреспондентов выглядит очень внушительно: Георгий Трапезундский, Геннадий Схоларий, Феодор Газа (который посвятил ему свой труд "*De origine Turkanum*"), Георгий Гемист Плифон, Иоанн Аргиропулос, кардинал Виссарион, Димитрий Халкокондил [44]. Филельфо вел переписку не только с византийцами, но и с соотечественниками на греческом языке. Итальянцы при удобном случае стремились показать свое знание греческого. Письмо Лианоро Лианори к Аретино, изданное

И.П. Медведевым [45], представляет смесь греческих и латинских фраз, тем самым демонстрирует определенный уровень владения языком. При этом итальянцы принимают те "правила игры", которые соответствовали византийским требованиям к эпистолографическому жанру. Как и византийцы, итальянские гуманисты считали письмо, которое носило открытый характер, отражением риторического таланта и признаком дружеского расположения. Франческо Филельфо в письме Георгию Трапезундскому (1428) придерживается этих принципов: "Речь, которую ты мне отправил, прочитал я внимательно и заботливо и сам, и дал прочитать здешним ученым ... Прочитали здесь слово управляемые государством и ораторствующие, и похвалили написанное тобой ..." [46]. Утверждается в гуманистической среде и такое явление, свойственное византийской интеллектуальности, как "ученая дружба", главным содержанием которой были общность научных устремлений и духовное родство.

Взросший интерес в итальянской среде к античным древностям обращал внимание гуманистов на ранее неизвестные и недоступные источники, сохранившиеся в Византии. На Западе практически не знали сочинений античных авторов, которые в изобилии имелись в Византии. Как отмечает немецкий ученый П.О. Кристеллер, в указателях средневековых библиотек греческие рукописи называются крайне редко [47]. Их массовый приток начинается лишь с появления византийцев в Италии. Поэтому столь высоко ценились привезенные рукописи и их латинские переводы. Даже в середине XV в., когда поток древних рукописей стал значительным, итальянцы ищут новые источники поступления. В своем письме Лианоро Лианори сетует на недостаток книг и просит прислать, по возможности, новые: "Так как я не имею никаких своих книг - ни греческих, ни латинских ...хотел бы просить, чтобы для меня послали какие-нибудь греческие» [48]. Некоторые итальянцы отправляются на Восток именно с целью приобретения новых рукописей и копий.

С Хрисолоры начинается не только эмиграция на Запад византийских ученых, но и поездки западных - в Византию. Единичные случаи посещения Византии с научными целями превращаются в регулярные поездки. Уже 1396 г. сопровождали возвращавшихся в Константинополь из Италии Димитрия Кидониса и Мануила Хрисолору Якопо д'Анжело и Роберто Росси, задачей которых было изыскание новых рукописей, неизвестных на Западе. Побывали в Византии и Гварино да Верона, Франческо Филельфо, Леонардо Бруни Аретино и др. [49]. Джованни Ауриспа привез в 1423 г. из путешествия на Восток 238 томов греческих рукописей, столь ценимых и столь необходимых гуманистам [50]. Ему пришлось приложить массу сил и упорства в розысках источников: "Ради книг я прибежал ко всяким уловкам, я отдавал все деньги и часто даже платье. Действительно, я помню, что я отдавал этим грекам платье, чтобы получить от них рукописи - поступок, за который я не чувствую ни стыда, ни досады" [51]. Амбросио Траверсари специально

приехал в Константинополь, чтобы заняться изучением греческого [52]. Их примеру последовали многие итальянцы, поспешившие в Византию для того, чтобы отыскать новые труды античных и византийских авторов, познакомиться с культурой или продолжить обучение.

Над удовлетворением возросших интеллектуальных потребностей (в частности, в переводах греческих сочинений) трудились многие византийцы и итальянцы, получившие необходимые для этого знания языка. Таким образом, возникла еще одна сфера приложения сил для византийских эмигрантов. Итальянские гуманисты нередко обращались к ним за помощью в приобретении или копировании рукописей. По поручению Кристофоро Галатоне Джованни Ауриспа и Франческо Филельфо выполнял копировальные работы в Константинополе дьякон Георгий Хрисококк [53]. Димитрий Скаранос по просьбе своих итальянских друзей Гварино да Верона, Джованни Ауриспа, Умберто Дечембрио, Франческо Барбаро и Амбросио Траверсари копировал рукописи [54]. Иоанн Аргиропулос и Иоанн Посос служили у Палла Строцци в качестве переписчиков [55]. Матфей Камариот, учитель философии и риторики в Константинополе, подарил Джорджио Валла рукопись [56]. Фактически все византийские интеллектуалы, оказавшиеся в Италии, занимались активной переводческой деятельностью. При этом переводы делались по принципу смыслового понимания, а не буквального соответствия. Если на начальном этапе переводы выполняли преимущественно византийцы, то постепенно этим начинают заниматься и сами итальянские ученые, которые часто прибегают к помощи и советам греков. Так, к примеру, консультантом Марсилио Фичино, профессора во Флоренции, знатока философии Платона и неоплатоников, при переводе платоновских диалогов был Димитрий Халкокондил [57], а в переводах Амбросио Траверсари помогал Скаранос.

Важно отметить, что византийская научная традиция повлияла не только на характер и структуру знания, но и на систему ее передачи. Широкое распространение получает византийский принцип обучения посредством наставничества. Безусловно, это не было новшеством, и Запад уже знал образцы подобного получения образования, но это, скорее, были единичные примеры. Вероятно, существует прямая зависимость таких явлений, как появление византийских ученых в Италии и возникновение характерных для них отношений "учитель - ученик". Распространение получают школы одного ученого. С конца XIV в. у истоков итальянской «генеалогии образованности» стояли византийцы, но постепенно, с развитием собственной школы, в течение XV в. появляются свои итальянские родоначальники научных сообществ. У Гварино да Верона брал уроки придворный историограф в Римини Тобио дель Борго, а также Франческо Барбаро и Витторино да Фельтре [58]. Траверсари был учителем Козимо и Лоренцо Медичи; многие гуманисты принадлежали к ученикам Марсилио Фичино [59].

В Италии по примеру византийских кружков - театров открываются научные сообщества, чаще всего именуемые академиями. С середины XV в. действовала *Chorus Achademiae Florentinae*, в которой активное участие принимал Иоанн Аргиропулос [60]. Марсилио Фичино стал руководителем платоновской академии во Флоренции, участником которой был Франческо Кастильоне [61]. Основал частную академию и Палла Строцци [62]. В кружок, образовавшийся вокруг кардинала Виссариона, входили Георгий Тревизан, Джованни Андреа да Мессина и др. [63]. На начальном этапе, при слабом знакомстве итальянцев с греческим языком, они были центрами изучения языка и литературы, а затем стали и центрами притяжения носителей гуманистических идей.

Принцип возникновения итальянских академий такой же, как и в Византии. Они собирались по инициативе какого-либо ученого или политического деятеля. Но в отличие от византийских театров и научных кружков итальянские сообщества оказались более жизнеспособными и многие из них пережили своих основателей. Функционирование академий протекало в том же ключе, что и византийских театров. Целью собраний и *studia humanitatis* был, как это называли византийцы, "поиск истины" в гуманистически окрашенном смысле расширения познавательных горизонтов, лишенный схоластического подхода. Примечателен и тот факт, что период расцвета научных собраний (первая половина XV в.) приходится на время активизировавшейся эмиграции из Византии ученых и усиление интеллектуальных контактов. Возможно, это объясняется "давлением" византийского стереотипа проведения подобных собраний. Скорее всего, таковым являлся гуманистический стиль жизни, который задавал определенный поведенческий алгоритм и соответствовал тем идеальным основам, на которых строилось Возрождение, тем более что корни итальянского и византийского гуманизма питались общими античными традициями.

Воздействие западной культуры испытала на себе и византийская ученая среда. Знакомство с западноевропейской наукой, ускоренное переводческой деятельностью Максима Плануда и Димитрия Кидониса, привело к увлечению не только литературой, но и, в большей степени, латинским богословием. Появление подобной альтернативы официальной религии вызвало интерес и внимание к католическим догматам, увлечение которыми переросло в убеждение и веру. Симптоматично, что позже некоторые византийцы перейдут в католицизм (Кидонис, его ученики Мануил Калека, Максим Хрисовберг, Мануил Хрисолора, Димитрий Скаранос, Виссарион, Георгий Трапезундский), и смена религиозных установок, немислимая прежде, не вызовет резкого осуждения или наказания ни со стороны правящих кругов, ни со стороны ученой братии. Подобная смена вероисповедания не будет свойственна итальянским гуманистам, хотя влияние православных концепций на них несомненно.

Результаты интеллектуальных связей Византии и Италии значительны. В среде итальянских гуманистов этого периода мы не встретим (за редким исключением) человека, который бы не учился или

бы не состоял в контактах с византийскими учеными. Широкое распространение штудий под руководством византийцев привело к тому, что многие гуманисты могли похвастаться своим греческим образованием. Знание греческого языка стало своеобразным атрибутом итальянской учености, тем качеством, благодаря которому человеку были доступны studia humanitatis. Кроме того, многие черты, которыми обычно наделяют и которые характеризуют византийскую интеллектуальную среду, получили новую жизнь на итальянской почве.

Византийские ученые, оказавшись вдали от родины, были включены в духовную жизнь, протекавшую в Италии. Они не утратили возможности самореализации, скорее напротив, оказались в нужном месте в нужный час. Некоторые из них действительно выполнили лишь служебную функцию передачи знаний, не играя существенной роли в гуманизме. Но многие способствовали возвращению эллинского духа на Запад, катализировали научную мысль, и благодаря им гуманистическое направление получило новое дыхание.

Обращаясь к вопросу интеллектуальных связей между византийскими и итальянскими учеными, мы сталкиваемся с проблемой влияния византийского гуманизма на становление и развитие гуманистической мысли в Италии. Г.М.Хартман ставит распространение греческой культуры на Западе в зависимость от появления в конце XIV - начале XV в. византийских ученых в Италии [64]. Действительно, прологом итальянского гуманизма было сохранение античного наследия Византией и передача его далее. Те знания и та наука, которые преподавались византийскими интеллектуалами на Западе, имели особое значение в формировании гуманистических идей. Но при определении степени воздействия византийской гуманистической традиции на развитие итальянского гуманизма нужно быть осторожным, чтобы не впасть в крайность преувеличения значимости или, наоборот, отрицания этого влияния.

1. По этому поводу см.: **Медведев И.П.** Византийский гуманизм XIV - XV вв. Л., 1976. С.162; **Поляковская М.А.** Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.)// АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 55-56.

2. **Медведев И.П.** Греческая культура конца XV-первой половины XVII в. как составная часть европейской культуры// История Европы. М., 1993. Т.3. С. 586-591.

3. **Медведев И.П.** Византийский гуманизм ... С.162.

4. **Geanakoplos D.I.** A reevaluation of the influences of byzantine scholars on the development of the studia humanitatis, metaphysics, patristics, and science in the italian Renaissance (1361 - 1531)// **Geanakoplos D.I.** Constantinople and the West. Wisconsin, 1989. P.67.

5. **Klanka F.** Demetrios Kydones and Thomas Aquinas// Byz. 1982. Vol. 52. P. 268.

6. **Geanakoplos D.I.** A reevaluation... P.39.

7. **Klanka F.** Demetrios Kydones and Italy// DOP. 1995. Vol. 49. P.106-109; **Поляковская М.А.** Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992. С.79-88.

8. **Klanka F.** Demetrios Kydones and Thomas Aquinas. P. 264-284; **Beck H.-G.** Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 733-736.

9. **Beck H.-G.** Kirche... S. 740-742; Correspondance de Manuel Calekas/ Publ. R.Loeneritz. Vaticano, 1950. P.20-24.

10. **Beck H.-G.** Kirche... S.742-743.
11. Цит. по: **Антонио Урчео Кодро.** Вступительная речь к курсу лекций по греческому языку// Традиции образования и воспитания в Европе XI - XVII вв. Иваново, 1995. С.147.
12. **Sattell G.** Manuel Crisolora. Florence, 1941; **Хартман Г.М.** Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма// ВВ. 1959. Т.15. С.100-124; **Соловьев С.В.** Мануил Хризолор и гуманистический идеал образованности (конца XIV - первой половины XV в.)// Традиции образования... С. 34-42.
13. Текст приглашения Мануила Хрисолоры см.: Традиции образования... С. 137.
14. **Tinnefeld F.** Das Leben des Demetrios Kydones// Briefe. Т.1/1. С. 43.
15. **Ревякина Н.В.** Гуманистическое воспитание в Италии XIV-XV вв. Иваново, 1993. С.30.
16. Цит. по: **Geanakoplos D.I.** A reevaluation... P.40.
17. Цит. по: Из писем Гварино да Верона/ публ.М.И.Шеременды// Традиции образования... С. 171.
18. **Медведев И.П.** Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С.99 - 113.
19. **Plethon G.G.** Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355 - 1452)/ Über. und erl. von W.Blüm. Stuttgart, 1988.S.13.
20. **Удальцова З.В.** Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии// ВВ. 1973. Т.35. С. 81-88.
21. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976 - 1994. № 3526 (далее - PLP).
22. **Удальцова З.В.** Философские труды... С. 83.
23. PLP. № 10484.
24. **Медведев И.П.** Византийский гуманизм... С.244.
25. PLP. № 1267.
26. Ibid. № 3526.
27. Ibid. № 14536.
28. Ibid. № 6125.
29. Ibid. № 13053.
30. Ibid. № 17244.
31. Ibid. № 19386.
32. Ibid. № 4120.
33. **Kydones Demetrios.** Briefe// Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1991. Bd. 2. № 209.47.
34. PLP. № 3450
35. Описание всех изданий дано: Die Editionstätigkeit der Griechen in der italienischen Renaissance (1469 - 1529). Graekogermanika. Acta humaniora. 1989. S. 5-9.
36. PLP. № 14540.
37. Die Editionstätigkeit...S.10-11.
38. PLP. № 30126.
39. Ibid. № 29803.
40. **Удальцова З.В.** Философские труды... С. 83.
41. PLP. № 2032.
42. Ibid. № 29205.
43. Ibid. № 29416.
44. Ibid. № 29803.
45. Текст письма см.: **И.П. Медведев.** Византийский гуманизм... С.243-244.
46. Там же. С. 244.

47. **Kristeller P.O.** Humanismus und Renaissance: Die antiken und mittelalterlichen Quellen. München. Bd.1. S.148.
48. **Legrand E.** Lettres grecques de Francois Filelfe. P., 1892. P.5.
49. **Медведев И.П.** Византийский гуманизм... С. 244.
50. **Хартман Г.М.** Значение греческой культуры... С.108; **Гарэн Э.** Проблемы итальянского гуманизма. М., 1986. С.47.
51. Цит.по: **Монье Ф.** Опыт литературной истории Италии: Кватроченто. СПб., С.254.
52. **Дживелегов А.К.** Начало итальянского Возрождения. М.,1908. С.149.
53. PLP. № 29015.
54. Ibid. № 31141.
55. Ibid. № 26035.
56. Ibid. № 26963.
57. Ibid. № 10776.
58. **Баткин Л.М.** Итальянские гуманисты: Стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С.37.
59. **Ревякина Н.В.** Гуманистическое воспитание... С.200.
60. **Кудрявцев О.Ф.** От эрудитских собраний к научным сообществам: Итальянские академии XV-XVII вв.// СВ. 1985. Т.48. С.178.
61. PLP. № 30126.
62. Ibid. № 26969.
63. Ibid. № 29291,11540; **Удальцова З.В.** Философские труды... С.82.
64. **Хартман Г.М.** Значение греческой культуры... С.100.